

На правах рукописи

ГУТЕНБЕРГ Роман Олегович

**ДВОРЦОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Санкт-Петербург
2019

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Научный руководитель: **Большаков Валерий Павлович**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Официальные оппоненты: **Никифорова Лариса Викторовна**, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, истории и теории искусства ФГБОУ ВО «Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой»

Лётин Вячеслав Александрович, кандидат культурологии, доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт»

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»**

Защита состоится 21 мая 2019 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д 210.019.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2/4, зал Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры». Электронная версия полного текста диссертации размещена 27 февраля 2019 года на сайте ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»: <http://spbgik.ru/science/dissertation-councils/kandidatskie-disertacii/>

Объявление о защите и электронная версия автореферата размещены 20 марта 2019 года на официальных сайтах ВАК Министерства науки и высшего образования РФ и на сайте ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»:

<http://spbgik.ru/science/dissertation-councils/kandidatskie-disertacii/>

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 210.019.01,
доктор культурологии

И.В. Леонов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение российской повседневности в последние десятилетия стало одним из ключевых направлений отечественной гуманитарной науки. Покрывая все сферы человеческого бытия: частную жизнь и профессиональную деятельность, быт и досуг, семейные и деловые отношения; реализуясь в обыденных делах и вещах, с которыми люди сталкиваются почти ежедневно, культура повседневности позволяет получить знание не только о частных событиях жизни людей, социальных групп, но и способствует осмыслению доминантных представлений о процессах и явлениях, свойственных различным культурно-историческим периодам России.

Актуальность историко-культурологического исследования дворцовой повседневности Петербурга конкретной эпохи кажется вполне очевидной. Она обусловлена продолжающейся в XXI веке реставрацией и музеефикацией зданий-памятников и превращением их в учреждения культуры. Для успешной реализации этих важных общественно-культурных проектов требуется комплексное представление о судьбе исторических дворцов. Помимо этого, в настоящее время целый ряд шедевров русской архитектуры и, прежде всего, их «повседневные биографии» все еще остаются недостаточно исследованными. Одной из таких лакун в культурной истории петербургских дворцов является первая треть XIX века – время, названное «золотым веком» отечественной культуры, которая, как и в предшествующее столетие, обладала исключительной способностью к восприятию других культур при сохранении своей национальной самобытности.

В то же время рычаги управления государством находились в руках императоров, в значительной степени предопределявших культурную и религиозную политику страны, эстетические предпочтения общества. В результате распоряжений самодержцев менялись художественный облик и среда обитания собственных дворцов, что приводило к возникновению новой материальной и духовной почвы, на которой развивались различные формы общественной деятельности. К таким постройкам относился Таврический дворец, получивший в начале XIX в. парадные и представительские функции, и Михайловский замок, утративший после гибели Павла I высокий статус резиденции российских монархов. В начале царствования Александра I эти дворцы, культура повседневности обитателей которых еще не являлась предметом специального исследования, приобретают многофункциональное значение и существуют в неразрывной связи с культурными явлениями и событиями эпохи, меняющимся социальным ритмом города и его стилем жизни.

Степень научной разработанности темы. Специальных исследований посвященных дворцовой повседневности Петербурга первой трети XIX века, до настоящего времени не проводилось. Тем не менее, анализ некоторых аспектов проблемы был представлен в научной литературе.

В первую очередь необходимо выделить работы историко-искусствоведческой и культурологической проблематики, среди которых одно из главных мест занимают труды исследователей второй половины XIX – начала XX века – И.Н. Божерянова, И.Е. Забелина, И.И. Пушкарева, П.Н. Столпянского, А.И. Успенского, в которых авторы заложили научную основу изучения великокняжеских, царских и императорских дворцов в различные исторические периоды. Эти исследования, основанные на анализе материалов периодической печати, мемуаров и архивных документов сохраняют свою научную ценность и в настоящее время.

Изучение отечественной культуры первой трети XIX века невозможно представить без обращения к фундаментальным биографиям императоров Александра I и Николая I, созданным выдающимися представителями различных исторических школ – М.И. Богдановичем, А.Е. Пресняковым, Н.М. Романовым, С.М. Соловьевым, Н.К. Шильдером и др. В основе этих трудов лежит жизнеописание монархов и их государственной деятельности в контексте социально-политических событий эпохи. Повседневная культура императорских дворцов рассматривается авторами фрагментарно и не подвергается глубокому изучению.

История культуры Санкт-Петербурга первой трети XIX века представлена в работах Н.П. Анциферова, М.А. Гордина, М.С. Кагана, Л.В. Кошман, А.П. Шевырева, А.Г. Яцевича, а также в коллективной монографии «Санкт-Петербург: 300 лет истории».

В современной исторической литературе различные компоненты дворцовой повседневности в основном анализируются в контексте изучения деятельности российского императорского двора XIX – начала XX столетия. К таким изданиям относятся книги из серии «Повседневная жизнь Российского императорского двора» написанные И.В. Зиминым (СПб, 2011, 2012). Автор всесторонне исследовал судьбу главной петербургской резиденции – Зимнего дворца. Опираясь на документы петербургских архивов и мемуары современников, он проанализировал такие важные составляющие повседневной дворцовой культуры, как сфера поведения людей, праздничные церемонии, формы досуга и отдыха членов императорской фамилии, трансформацию интерьеров, основы жизнеобеспечения здания. Внимание к этим традиционным чертам повседневной культуры существенно расширяет знание о социокультурном облике памятников столичного дворцового зодчества.

Структура культуры повседневности Зимнего дворца при Николае I проанализирована в исследовании Т.Л. Пашковой «Император Николай I и семья в Зимнем дворце» (СПб, 2014). Опираясь на значительный круг разнообразных источников, автор вскрывает специфику хозяйственного механизма здания, парадной стороны дворцовой жизни, трансформации интерьеров и др.

Важное место в повседневноведческой проблематике занимают публикации, посвященные придворным праздникам и церемониалам. В этой связи необходимо выделить работы Л.В. Выскочкова, О.Ю. Захаровой, Е.Э. Келлер, А.В. Колесниковой, И.И. Несмеяновой, И.О. Пашинской, Р.С. Уортмана. Отличительной чертой этих исследований является интерес к государственно-представительской, символической, эстетической, историко-культурной стороне проводимых императорским двором ритуалов. Специфика повседневных рутинных практик, в результате которых реализуется государственное или семейное торжество, как правило, в этих изданиях остается недостаточно освещенной.

Историографическую базу настоящей работы также составляют труды по истории петербургского дворцового зодчества XVIII-XIX вв. Среди авторов, которые на основе обширного фактологического и иконографического материала рассмотрели процессы и этапы проектирования, строительства, типологии и бытования памятников дворцовой архитектуры, биографии зодчих особое место занимают имена искусствоведов – И.Э. Грабаря, Е.И. Кириченко, Д.А. Кючарианц, Н.Е. Лансере, В.Г. Лисовского, В.С. Турчина, Л.В. Тыдмана, В.К. Шуйского и др.

Среди работ по петербургской архитектуре следует выделить специальные исследования, посвященные различным аспектам истории Таврического дворца¹ и Михайловского замка² в XVIII-XX вв.

Отдельного упоминания заслуживают диссертации, в которых императорские дворцы изучены с точки зрения культурологии. Первой в отечественной историографии работой такого направления является

¹ Дьяченко Л.И. Таврический дворец. – СПб.: Алмаз, 1997 – 159 с.; Шуйский В.К. Таврический дворец. – СПб.: Арт Деко, 2003. – 189 с.; Таврические чтения 2009. Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство. Международная научная конференция. Сборник научных статей: В 2 ч. Ч. 2. – СПб.: б.и., 2011. – 238 с.; Таврические чтения, 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей: В 2 ч. Ч. 1. – СПб.: ЭлекСис, 2015. – 273 с.

² Михайловский замок // М.Б. Асвариц и др. – СПб.: Белое и Черное, 2001. – 320 с.; Михайловский замок. Страницы биографии памятника в документах и литературе // Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: Н.Ю. Бахарева, Е.Я. Кальницкая, В.В. Пучков и др. – М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2003. – 741 с.; Очерки истории Михайловского (Инженерного) замка. Русский музей. Вып. 25. Сборник статей. – СПб.: Palace Editions, 2014. – 184 с.

обобщающее исследование Л.В. Никифоровой³. Автор, используя категорию *топос*, стремится выявить культурные смыслы дворцов, предлагая понять их, как место средоточия различных форм политической власти, где последняя выступает одной из важных сторон художественной сущности памятников дворцовой архитектуры от древности до современности.

В качестве объектов музеефикации исторические дворцы Петербурга рассмотрела Е.Я. Кальницкая⁴. На примере ансамбля Михайловского замка она разработала научную концепцию использования современным музеем здания-памятника; аргументировала необходимость введения новой дисциплины в рамках культурологии – «Музеефикация памятников архитектуры», которая будет учитывать при решении практических задач теоретические достижения многих наук.

Специфика дворцово-парковых ансамблей Москвы и Петербурга как объектов культурного наследия в их социально-историческом развитии проанализирована в диссертации С.Л. Малафеевой⁵. Автор рассматривает вопросы, связанные с историей становления, функционирования и эволюции дворцов нового времени; роль царской семьи, министерства императорского двора и интеллигенции в проблеме охраны зданий-памятников; определяет значение и место дворцов в культурной жизни столиц XVIII – начала XX вв.

В 2010-е гг. результаты исследований дворцовой повседневности были представлены российскими учеными на специальных научных музейных конференциях в ГМЗ «Гатчина» и ГМЗ «Петергоф»⁶.

К группе исследований, составивших методико-теоретическую основу настоящей работы, относятся публикации по культурологии, философии и истории повседневности.

Теоретическое осмысление повседневности в гуманитарных науках начинает развиваться в середине XX века. Серьезный вклад в изучение этой проблемы внесли представители европейской философии и социологии – Э. Гуссерль, А. Шюц, Б. Ванденфельс, П. Бергер и Т. Лукман. А также историки, представители школы «Анналов» и их последователи – М. Блок, Л. Февр, Ж. ле Гофф.

³ Никифорова Л.В. Дворец в истории русской художественной культуры: автореф. дисс. ... д-ра культурологии: 24.00.01. – СПб.: 2006. – 38 с.; Никифорова Л.В. Чертоги власти: дворец в пространстве культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2011. – 702 с.

⁴ Кальницкая Е.Я. Музеефикация дворцов: актуализация архитектурного наследия в современной теории и практике: автореф. дисс. ... д-ра культурологии: 24.00.03. – СПб.: 2009. – 51 с.

⁵ Малафеева С.Л. Специфика столичных дворцово-парковых ансамблей России как объектов культурного наследия (XVIII – начала XX вв.): автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук: 24.00.03. – М.: 2000. – 34 с.

⁶ В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. Материалы научной конференции. (ГМЗ «Гатчина». Гатчина, 22-23 ноября 2012). – СПб.: ООО «Союз-Дизайн», 2012. – 328 с.; Жизнь дворца: публичное и приватное. Сборник по материалам научно-практической конференции (ГМЗ «Петергоф». Петергоф, 2013). – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2014. – 448 с.

Методология и теория исследования повседневности также широко представлена в работах отечественных ученых – С.Н. Артановского, Л.В. Беловинского, В.П. Большакова, А.Я. Гуревича, Е.В. Золотухиной-Аболиной, Л.Г. Ионина, И.Т. Касавина, Г.С. Кнабе, М.М. Крома, В.Д. Лелеко, Ю.М. Лотмана, Б.В. Маркова, С.Т. Махлиной, Н.Л. Новиковой, Ю.М. Полякова, Н.Л. Пушкаревой, Н.В. Розенберг, С.М. Фроловой и др.

Среди работ по истории повседневности следует выделить исследование немецких ученых Э. Фюра и Д. Штеммриха, в котором архитектура рассматривается как источник по истории повседневности⁷. В качестве объекта изучения в данной статье фигурирует многоквартирный дом немецкой семьи второй половины XIX века. При этом авторы высказывают некоторые общие методологические замечания по вопросам, связанным с анализом архитектуры как «инструмента повседневности» и «архитектуры как вещественной реальности». Они признают, что архитектура выступает «как условие социального и общественного развития», и предлагают подробное изучение повседневности зданий и городских структур осуществлять посредством анализа используемых людьми предметов широкого потребления, отмечая также, что на процесс проживания и освоения здания субъектом в некоторых случаях будут влиять характерные для общества традиции и правила.

Подводя итог анализу основных работ, связанных с изучением темы диссертации, можно заключить, что значительный интерес к различным сторонам повседневной жизни дворцов Санкт-Петербурга, прежде всего императорских, наблюдается в основном со стороны исторической науки, которая изучает дворцовую повседневность в контексте функционирования императорского двора, а также частной жизни и государственной деятельности монархов и членов их семей. При этом наиболее изученной является вторая половина XIX – начало XX вв.

Таким образом, проведение комплексного историко-культурологического исследования дворцовой повседневности Петербурга первой трети XIX века представляется актуальным. Эта работа направлена на то, чтобы заполнить лакуны в историографии вопроса и выявить специфику повседневного мира дворцов российских самодержцев.

Объект исследования: повседневная жизнь во дворцах Санкт-Петербурга первой трети XIX века.

Предмет исследования: культура повседневности, реализуемая обитателями Михайловского замка и Таврического дворца в первой трети XIX века.

⁷ E. Führ, D. Stemmrich Die Dinglichkeit sozialer Konfigurationen // Geschichte im Alltag - Alltag in der Geschichte, Düsseldorf. 1982. – S. 88-107.

Цель исследования: выявить характерные особенности и ценностные смыслы повседневной культуры обитателей дворцов Петербурга первой трети XIX века.

Задачи исследования:

1. Выявить исторические основы и особенности процесса развития культуры повседневности дворцов Санкт-Петербурга.
2. Раскрыть связи дворцовой повседневности с явлениями и событиями культурной жизни Санкт-Петербурга.
3. Вскрыть специфику дворцового быта, исследуя принципы расселения людей, условия проживания, работу хозяйственного механизма зданий и др.
4. Проследить особенности трансформации дворцовых интерьеров и их дальнейших судеб.
5. Раскрыть специфику религиозной жизни дворцов.
6. Выявить особенности праздничной культуры в дворцовой повседневности.
7. Ввести в научный оборот новые архивные документы, отражающие специфику повседневной культуры дворцовых зданий.

Источники. Первую группу источников составляют неопубликованные документы, находящиеся в центральных и ведомственных архивах: Российский государственный архив древних актов (РГАДА. Москва), Ф.1239; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА. Москва) Ф. 35, 93, 312, 802, 827, 16217; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Москва) Ф. 109, 1717; Российский государственный исторический архив (РГИА. Санкт-Петербург) Ф. 466, 468, 469, 470, 471, 472, 485, 516, 519, 733, 768, 797, 805, 808, 1018; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Санкт-Петербург) Ф. 2, 19; Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ. Санкт-Петербург) Ф. 432; Архив комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (АКГИОП. Санкт-Петербург) Ф. 167; Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ. Санкт-Петербург) Ф. 1.

Изученные архивные документы являются материалами ведомственного делопроизводства, высочайшими повелениями, планами и чертежами дворцовых зданий.

Ко второй группе источников относятся опубликованные материалы: законодательные акты, периодическая печать, документы личного происхождения.

В Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ) содержатся указы по дворцам, Министерству императорского двора, придворным штатам и табелям и др.

История и культура дворцовых зданий также нашла отражение в материалах столичной периодики 1801 – начала 1830-х годов: «Санкт-Петербургские ведомости», «Русская старина», «Русский архив», «Отечественные записки», «Исторический вестник» и др.

К документам личного происхождения относятся мемуары, дневники, письма, путевые заметки, записные книжки членов императорской фамилии и других свидетелей эпохи: в.к. Николая Павловича, императрицы Елизаветы Алексеевны, Ф.Ф. Вигеля, А.П. Глушковского, С.П. Жихарева, Дж. Карра, Р. Хиберы и др.

Все вышеуказанные материалы позволяют решить поставленные в настоящем диссертационном исследовании задачи.

Методология исследования. В основе диссертационного исследования лежат широко применяемые в культурологии методы: междисциплинарный, компаративный, историко-генетический, системный, историко-типологический. В работе также был использован специальный микро-исторический анализ.

– *Междисциплинарный* позволил осуществить комплексный подход к изучению культуры повседневности обитателей императорских дворцов.

– *Компаративный* дал возможность выявить посредством анализа архивных документов различия и сходства повседневных практик, реализуемых жителями дворцов столицы.

– *Историко-генетический* позволил рассмотреть генезис и развитие дворцовой повседневности в историко-культурной перспективе.

– *Системный* использовался для выявления общих характеристик, определяющих своеобразие повседневной жизни императорских дворцов.

– *Историко-типологический* был использован для описания разных типов дворцовых зданий в различные исторические периоды.

– *Микро-исторический* анализ позволил получить представление о частных событиях жизни людей в рамках обозначенного периода.

Хронологические рамки исследования. Включают в себя время правления Александра I (1801-1825) и начало царствования Николая I (1825-1833). Рассматриваемый период важен, прежде всего, с историко-культурной точки зрения. Это время, когда в городах возникали новые формы общественной деятельности, происходила либерализация в области политики, религии, искусства; менялся архитектурный облик столицы и т.д. С приходом к власти Николая I было организовано Министерство императорского двора (1826), что привело к объединению под одним началом целого ряда

придворных служб, в том числе тех, которые отвечали за жизнедеятельность императорских резиденций.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Осуществленный историко-культурологический анализ повседневности исторических дворцов может послужить основой для будущих научных разработок в области теории и истории отечественной культуры. Материалы диссертации могут быть использованы при составлении курса лекций по истории и культуре Санкт-Петербурга, проведении специальных городских экскурсионных маршрутов и программ; для организации исторических реконструкций праздничных мероприятий; при разработке методических пособий для гидов города и музеев. Особое практическое значение исследования заключается в том, что выявленные в результате работы в архивах сведения можно применить для написания исторических справок и других материалов, необходимых при реставрации и музеефикации исторических дворцов.

Научная новизна исследования:

- на основе архивных данных развито представление о содержательных смыслах повседневной культуры обитателей императорских дворцов;
- показано, что дворцы занимали одно из ключевых мест в культурной жизни столицы; выявлена многоплановая роль Михайловского замка в общественно-культурной среде города александровской эпохи;
- определены ключевые составляющие дворцового быта: официального, частного, семейного; культура общения и поведения представителей различных социальных групп;
- выявлены культурные смыслы такого явления, как трансформация внутреннего убранства дворцов; определена роль и степень участия российских самодержцев в процессах, связанных с изменениями первоначальных интерьеров резиденций;
- показано, что некоторые виды культовых практик, актуализированные во дворцах, были тесно связаны с религиозной ситуацией, сложившейся в стране в годы правления Александра I;
- обоснована правомерность изучения праздничности как элемента культуры повседневности; показано, что в структуре повседневности придворных праздников первой половины XIX столетия лежал определенный порядок связанных между собой элементов: придворного этикета, личного мнения высочайших особ, ведомственной служебной практики;
- введен в научный оборот значительный комплекс неопубликованных документов из центральных архивов Москвы и Петербурга, раскрывающих специфику повседневной жизни исторических дворцов.

Основные положения, выносимые на защиту:

– Императорский дворец первой трети XIX века – это комплекс зданий жилого, служебного и иного назначения, как правило, с прилегающей к ним садово-парковой территорией, жизнедеятельность обитателей которого обеспечивалась различными придворными ведомствами. В настоящем исследовании к данному типу дворцов отнесены здания, в которых проживал император и члены его семьи (Таврический дворец), и те, где император не жил (Михайловский замок). Содержательным смыслом определения «императорский» выступает не парадная и государственно-представительская функция дворца, а его принадлежность в качестве недвижимой собственности конкретному лицу – российскому самодержцу.

– Основу жизнедеятельности обитателей дворцов составляли сложившиеся в XVIII – первой трети XIX вв. «правила», положения которых регламентировали ключевые стороны бытия «дворцового человека»: порядок проживания, гигиена, безопасность, культура поведения и др. Императоры, совершенствуя данные «правила», подчеркивали свою приверженность традиции, руководствовались чувством экономической целесообразности.

– В начале XIX века на культурный облик дворцов оказали влияние «большая история» и изменившаяся общественно-культурная среда города. В это время пространство повседневности дворцов одухотворялось созданием в их стенах коммуникативных центров: литературных и научных обществ; дворянских салонов; патриотических и духовных организаций, а также благодаря росту творческой активности представителей отечественного и зарубежного искусства и интересу иностранных путешественников к культурной истории дворцов. Все эти аспекты указывали на развитие культурного взаимодействия города и дворца.

– Во всех императорских дворцах работа хозяйственного механизма, направленная на удовлетворение психологических и физиологических нужд представителей различных социальных групп, характеризовалась общими принципами. Эта особенность была вызвана принадлежностью зданий к придворным ведомствам. Реализация витальных и материальных потребностей членов царского дома и их ближайшего окружения в Таврическом дворце возлагалась на Придворную и Гоф-интендантскую конторы и Императорский кабинет; в Михайловском замке, как правило, только на Гоф-интендантскую контору. Быт обитателей Таврического дворца подвергался существенной ритуализации за счет воздействия на него придворного этикета, в Михайловском замке – актуализировался по принципу индивидуального «образа жизни». В рассматриваемую эпоху повседневные практики и сфера поведения обитателей дворцов отражали культурное состояние общества и не

выходили за рамки традиций и понятий, принятых у различных социальных групп.

– В изучении дворцовой повседневности особое внимание отводится семиотике интерьера. Данное направление позволяет осмыслить феномен внутреннего убранства залов в очень широком культурном контексте: определить степень «влияния моды»; воздействия на художественный облик дворцов личности монарха; отношение к царствованию предшественника; особенности государственной политики. При современном состоянии проблемы музеефикации дворцов, изучение интерьеров XVIII-XIX вв. приобретает особую актуальность, так как позволяет проследить судьбу элементов внутреннего убранства зданий; выяснить их настоящее местонахождение.

– В пространстве повседневности столичных дворцов XIX века реализовывались религиозные потребности христианского населения, представляющего все социальные группы, которым по роду занятий и положению следовало жить во дворце. Особую роль в религиозной жизни Петербурга играли Таврический дворец и Михайловский замок, ставшие в рассматриваемую эпоху культовыми центрами также для жителей города, исповедующих ислам. В то же время, государственная политика 1800-х – 1810-х гг. в области религии нашла свое отражение в организации тайных религиозных союзов и кружков, которым покровительствовали первые лица империи. Феномен сектантства был частью повседневной жизни Михайловского замка. Культовые практики секты Е.Ф. Татариновой влияли на культурный облик дворца, ставшего центром духовного паломничества петербургских мистиков.

– Праздничность рассматривается в работе в качестве одного из ключевых элементов дворцовой повседневности. Являясь привычным событием придворной жизни, праздник реализовывался посредством рутинных процедур, которые проводили ведомственные специалисты на основании императорских распоряжений, относящихся к аналогичным мероприятиям проводимым ранее.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в виде докладов на российских научно-практических конференциях: «В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций» (Гатчина, ГМЗ «Гатчина», 2012); «Жизнь дворца: публичное и приватное» (Петергоф, ГМЗ «Петергоф», 2013). На научных конференциях Русского музея посвященных вопросам изучения отечественного искусства (Санкт-Петербург, Русский музей, 2012, 2016). Материалы диссертации были использованы при подготовке и проведении экскурсий в филиале Русского музея «Михайловский замок» с 2008 по 2018 гг.; выступлении на «Радио России - Санкт-Петербург» в программе «Городской наблюдатель» (2011).

Автор имеет 11 научных публикаций (общим объемом 7,52 п.л.) по теме диссертационного исследования (в том числе 4 публикации – в изданиях, рекомендуемых ВАК Минобрнауки РФ).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Исследование соответствует п. 1.7 Культура и религия; 1.9 Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов паспорта научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, каждая из которых разделена на два параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы, содержащего 242 наименования. Объем основного текста диссертации составляет 162 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная значимость темы, характеризуется степень ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи, указываются источники и методологическая основа работы, обозначаются хронологические рамки, теоретическая и практическая значимость диссертации, научная новизна, раскрываются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов диссертации.

Первая глава – «Культурное пространство повседневности императорских дворцов Санкт-Петербурга» состоит из двух параграфов.

В параграфе 1.1. «Своеобразие развития дворцовой повседневной культуры» представлен теоретический анализ концепта «культура повседневности»; вскрыты некоторые типологические особенности дворцов; выявлены исторические основы формирования дворцовой повседневной культуры Петербурга.

В настоящей диссертации «культура повседневности» определяется, как реализация, сохранение и передача в каждодневной жизни людей положительного духовного опыта и ценностей культуры (В.П. Большаков). Данный тип культуры покрывает материальную (вещную) и духовную сферы жизнедеятельности человека (Ю.М. Лотман). В каждой конкретной исторической эпохе и в каждой из культур ценностные смыслы явлений воплощаются различно (В.П. Большаков). В дворцовой повседневности этот аспект наиболее ярко проявляется через личность монарха, который

предписывал правила и порядки управления дворцами; регламентировал образ жизни «дворцового человека»; влиял на создание «предметного мира» зданий.

Автор классифицировал дворцы Петербурга следующим образом: аристократические (Строгановский, Шереметевский «Фонтанный дом» и др.); великокняжеские (Мраморный, Михайловский); императорские (Зимний, Таврический и др.). Среди собственных дворцов российских монархов были выделены те, что в XVIII-XIX в. утратили статус жилища: Михайловский замок, Чесменский дворец и др., и резиденции («от лат. *residencia*: *residere* – «восседать») – бывшие местом проживания августейших особ: Зимний и Таврический дворцы и др. Исторические основы развития официального быта обитателей этих дворцов были заложены Екатериной II в 1771 г.⁸ Они нашли выражение в инструкции гоф-штабквартирмейстеру императорского двора, где говорилось о «Правилах проживания чиновников и служителей», которым по роду занятий следовало жить во дворце, «Наблюдению чистоты» и «Наблюдению безопасности от пожара». Всем обитателям императорских дворцов столицы следовало строго исполнять предписанные в этом документе требования. Систематические нарушения «инструкции» вынудили глав придворных ведомств вновь приступить к регламентации этих сторон повседневной жизни людей. В 1829 г. опираясь на екатерининское предписание 1771 г. и ненапечатанное повеление Александра I 1817 г. о том, чтобы «никто без высочайшей воли не мог принимать к себе совершеннолетних родственников и знакомых», была разработана и «налитографирована» новая инструкция⁹, состоящая из 15 пунктов и направленная по указу императора во все дворцы столицы. Этот документ завершил многолетние попытки придворного руководства во главе с самодержцами упорядочить дворцовый быт.

На основании архивных данных был сделан вывод о том, что культура повседневности жителей императорских дворцов первой трети XIX в. представляла собой совокупность норм и правил, сформировавшихся в предшествующее столетие на основании устных распоряжений и указов российских самодержцев, рекомендаций глав придворных ведомств и повседневных практик, реализуемых в процессе каждодневного бытия людей. В данном типе культуры ценностные смыслы конкретизировались в различных формах (милосердия, отзывчивости и др.) и проявляли себя в разной степени через воплощение «общечеловеческих идеалов» (В.П. Большаков).

⁸ ПСЗ-I. Т.19. № 13711.

⁹ РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (146/580). Д. 21. Л. 65-78.

В параграфе 1.2. «Дворцы как пространство культурной жизни столицы» вскрыты связи повседневности дворцов с общественно-культурной жизнью Петербурга.

В первой трети XIX в. в императорских дворцах столицы актуализировались парадные и государственно-представительские функции; формировался «мир семьи» российских монархов; работали выдающиеся деятели искусства; развивалась праздничная, салонная, религиозная и бытовая отечественная культура; собирались литературные, художественные и научные общества. Каждая из этих разнородных сторон деятельности людей была тесно связана с культурной жизнью города, его меняющимся социальным ритмом.

В начале XIX в. дворцы Петербурга оказываются в фокусе внимания иностранных туристов, которые включали в свои «экскурсионные» программы и путеводители посещение Михайловского замка, Зимнего, Таврического и других дворцов. Наиболее характерные для репрезентативной дворцовой культуры аспекты: коллекции Эрмитажа; дворцовые интерьеры и сады; религиозные обряды в придворных храмах, а также интерес к историко-культурным событиям страны (посещение места гибели Павла I – императорской опочивальни и других залов Михайловского замка) становятся, благодаря неравнодушному вниманию путешественников, достоянием российской и западноевропейской общественности.

На дворцовую повседневность оказала влияние война 1812 года: эвакуация художественных коллекций Зимнего и Таврического дворцов и Михайловского замка включила здания в широкий общественно-культурный контекст, сделала частью «большой истории». Вызванный войной патриотический подъем привел к созданию общественных организаций (Женское патриотическое общество), которые устраивали свои ежегодные собрания в стенах императорских резиденций (Таврический дворец).

Особую роль в культурном взаимодействии города и дворца играли проживавшие в дворцовых зданиях деятели отечественного и зарубежного искусства, коллекционеры, ученые: А. Бунина, Ш. Дидло, Ч. Камерон, П. Сухтелен, Л. Панснер (Михайловский замок); В. Жуковский (Зимний дворец); Н. Карамзин (Таврический дворец). Они создавали творческую атмосферу, которая облагораживала и одухотворяла культурное пространство повседневности дворцов. Не меньшее значение в культурной жизни этих зданий занимали религиозные, литературные и научные общества: Вольное общество любителей словесности наук и художеств и Санкт-Петербургское минералогическое общество собирались в Михайловском замке; Российское библейское общество – в Таврическом дворце.

В диссертации салонная культура была представлена «эмигрантским» кружком зрителя Зимнего дворца Я.П. Лабат де Виваж, проживавшего в 1800-1810-е гг. в одном из павильонов Михайловского замка. В этом салоне регулярно собирались деятели французской политической эмиграции, российские и иностранные литераторы (С.П. Жихарев, К. де Местр), военные, инженеры и др. Как одна из популярных форм общественно-художественного бытия России XIX в., салонная культура нашла выразительную степень проявления в качестве одного из ключевых элементов дворцовой повседневности.

В настоящем исследовании показано, что некоторые общественно-политические направления царствования Александра I («либеральный курс» и «наполеоновские войны») способствовали увеличению роли дворцов в культурной жизни Петербурга, превратили их в просветительские центры и главные столичные достопримечательности. Такое положение, в основном, сохранялось и после прихода к власти Николая I.

Вторая глава – «Культура повседневности Михайловского замка и Таврического дворца» включает в себя два параграфа.

В параграфе 2.1 «Специфика жизнедеятельности обитателей Михайловского замка и Таврического дворца» исследованы количество, социальный состав и динамика перемещений обитателей дворцов; условия их проживания и область витальных потребностей; культура общения и поведения; отклонения и казусы дворцовой жизни; принципы работы хозяйственного механизма зданий (ремонт, уборка помещений и территории; снабжение дровами и свечами и др.). Также в этом разделе диссертации была проанализирована передача Михайловского замка из придворного ведомства Военному министерству, что позволило установить некоторые психологические и культурные особенности поведения участников этого процесса.

Имена обитателей дворцов в обязательном порядке заносили в «алфавитные книги», которые поступали из полиции зрителям и комиссарам накануне каждого Нового года. В Таврическом дворце в рассматриваемый период постоянно жили около 10-12 аристократов, принадлежащих к императорскому двору. Эти люди имели прислугу. Общее количество дворовых, денщиков, адъютантов, крепостных и вольнонаемных колебалось от 1 до 20 человек. «При комнатах» членов царской семьи согласно штату находились 76 человек. В то же время в деревянном флигеле дворца постоянно проживали около 150 взрослых и детей обоего пола. Максимальное количество жильцов достигало приблизительно 300-400 человек. В Михайловском замке находилось около 1100 обитателей, те, что жили «по

ведению Гоф-интендантской конторы» и «разночинцы других ведомств». В то же время в помещениях замка находились различные государственные учреждения: Свита е.и.в. по Квартирмейстерской части, Придворная конюшенная контора, Капитул российских орденов, Канцелярия Императрицы Марии Федоровны, Медико-филантропический и попечительский комитеты о бедных, Комиссия духовных училищ, Институт слепых; два архива – Государственный и походной канцелярии генерала И.В. Васильчикова.

В Таврическом дворце за обстановку помещений, высочайшие и придворные столы отвечали императорский Кабинет и Придворная контора. Царские «столы» утверждались «положением по Главной кухне». Жители Михайловского замка, как правило, сами занимались меблировкой своих квартир и готовили на кухнях еду. Если это были аристократы, кушанья приносили в комнату, выбранную хозяевами в качестве столовой. У простых людей, чьи жилые покои могли не превышать двух, а то и одной комнаты, место приготовления пищи и место ее употребления совпадали.

На основании архивных документов было установлено, что некоторые жильцы с крайней небрежностью относились к обстановке дворцовых помещений и территории. Они выливали нечистоты «из окон и у крылец»; стирали белье в комнатах, вместо кухонь, что приводило к быстрой порче полов. Пытаясь предотвратить такие случаи, в 1806 г. последовало высочайшее повеление обязать всех живущих подпиской о том, что если они «должной чистоты не соблюдают <...>, то не глядя ни на какие лица» будут выведены из дворцов. Сходные требования, хотя и менее строгие, относились к людям, причастным к порче предметов убранства помещений. Как правило, Гоф-интендантское ведомство брало все расходы, связанные с повреждением казенных вещей, на свой баланс, не взыскивая с жильцов. В то же время особое внимание уделяли сбережению вещей от «расхищения и утрат»: кражи казенного и личного имущества во дворцах были невероятно частым явлением. Как правило, ворами оказывались дворцовые служители «развратного поведения». Противодействием кражам было усиление караула в зданиях и установка полицейских будок на территории.

Важным аспектом повседневной культуры обитателей Таврического дворца и Михайловского замка была проблема взаимоотношений. В отличие от «Тавриды», где в период высочайшего присутствия сложность человеческого общежития сглаживалась ритуализацией придворной жизни, в Михайловском замке таких рычагов воздействия на культуру поведения людей не было. Возникавшие во дворцах конфликты, которые не удавалось решить мирным путем, улаживали с помощью полиции и представителей других специальных учреждений.

Работу сложного хозяйственного механизма дворцово-парковых ансамблей столицы осуществляла Гоф-интендантская контора. Служащие этого ведомства или подрядчики выполняли целый комплекс ремонтных, противопожарных, гигиенических и других процедур.

В 1822 г. Михайловский замок был передан Военному министерству. Это повлекло за собой выселение находившихся в нем жителей и организаций. Обитатели здания выезжали очень неохотно. Наряду с личными вещами пытались вывозить панели, антресоли и двери, которые устанавливали за свой счет для украшения. Эти действия пресекались руководством придворного ведомства и военно-инженерного департамента, а также улаживались с помощью денежных компенсаций.

Таким образом, повседневные практики жителей Таврического дворца и Михайловского замка, с одной стороны, реализовывались благодаря эффективной работе придворных ведомств: императорского Кабинета, Придворной и Гоф-интендантской конторы, деятельность которых была направлена на удовлетворение целого ряда физических, психологических и культурных потребностей лиц императорской фамилии, двора и других проживавших в зданиях людей; с другой – отражали ментальные, сословные, духовные установки и навыки обитателей этих архитектурных комплексов.

В параграфе 2.2 «Дворцовые интерьеры: история трансформации и разорения» судьба внутреннего убранства помещений рассматривается в качестве феномена, раскрывающего культурные смыслы дворцовой повседневности.

Интерьеры Михайловского замка и Таврического дворца в первой трети XIX в. претерпели существенную трансформацию. В одном случае, от наименования залов замка образчиком «чуда роскоши и вкуса» до почти полного их декоративного упрощения; в другом – от полковых казарм до покоев, ставших шедеврами александровского классицизма. Все масштабные реконструкции и переделки внутреннего убранства залов санкционировались первыми лицами империи, которые в этом процессе руководствовались самыми разными мотивами: политическими, эстетическими, психологическими и т.д. При этом в Таврическом дворце в рассматриваемую эпоху к трансформации интерьеров привели в основном объективные факторы: «влияние моды»; эстетические предпочтения членов царской семьи; в Михайловском замке доминирующими оказались субъективные: целенаправленное стремление Александра I придать замок забвению, стерев из общественного сознания результаты деяний минувшего царствования и память о прежнем владельце. В то же время, в одном и в другом случае процесс изменения внутреннего убранства зданий находился в поле культуры.

Третья глава – «Религиозные и светские аспекты повседневной культуры Михайловского замка и Таврического дворца» состоит из двух параграфов.

В параграфе 3.1 «Культовые практики в пространстве повседневности дворцов» проанализирована религиозная жизнь Таврического дворца и Михайловского замка.

Актуализация религиозных потребностей проживавших в дворцовых зданиях людей осуществлялась на фоне проводимых в стране реформ, которые в первые годы правления Александра I были направлены на либерализацию общественной жизни, что, в частности выражалось в организации многочисленных союзов, клубов, кружков различной направленности, в том числе и религиозных, в скором времени ставших неотъемлемой частью культурной среды больших городов, и прежде всего, Петербурга. В стенах Таврического дворца и Михайловского замка официально реализовывались культовые практики двух мировых религий – христианства (православие) и ислама, а также в замке в 1816-1822 гг. полулегально проходили собрания религиозной секты Е.Ф. Татариновой.

Православное богослужение – естественный для того времени культурный процесс, в который во дворцах вовлекались люди с момента своего рождения и до самой смерти. Как свидетельствуют архивные документы, человек мог быть рожден во дворце, здесь же крещен и, если связал свою жизнь с придворной службой, отпет в той же церкви.

Культовые практики ислама, реализованные в пространстве повседневности Таврического дворца и Михайловского замка, были одной из особенностей религиозной жизни города первой четверти XIX в. В отличие от православных служб моления мусульман во дворцах не являлись ежедневными, но в рассматриваемый период стали ожидаемыми и привычными. Подготовка к ним велась силами придворного ведомства, специалисты которого, учитывая специфику мусульманских обрядов, закрывали бывшие в декоре залов изображения живых существ тканью. Нахождение под одной крышей двух культовых «площадок» – православной (дворцовые храмы) и мусульманской (парадные залы дворцов), стало возможным в связи с либерализацией общественной жизни страны, концентрацией в столице иностранных дипломатических представительств, необходимостью сокращения расходов казны, особенно в военное время; благодаря одной из главных особенностей отечественной культуры – ее толерантности.

Феномен сектантства в рамках дворцовой повседневности был рассмотрен в связи с религиозным настроением Александра I в 1810-е годы. Причастность к дворцовому перевороту 11 марта 1801 г. наложила глубокий

отпечаток на его внутренний мир. Император допустил проведение экзальтированных религиозных собраний на месте убийства отца, так как считал, что они «послужат искупительной жертвой с его стороны» (Ю.Е. Кондаков).

Культовые практики, воплощавшиеся во дворцах, оказывали сильное воздействие на духовный мир и культурный облик представителей различных сословных и конфессиональных групп Петербурга. Во-первых, они обеспечивали сопричастность с православной традицией проживавших в дворцовых зданиях россиян; во-вторых, удовлетворяли религиозные потребности мусульманского населения столицы; в-третьих, представители мистической ветви христианства смогли на некоторое время воплотить в теории и практике свои духовные искания.

В параграфе 3.2. «Праздничность в дворцовой повседневности» обосновано включение праздника в структуру культуры повседневности; на примере Таврического дворца продемонстрированы особенности повседневности светских праздничных мероприятий.

На основе изучения научной литературы (Е. Анчел, С.Н. Артановский, Л.В. Беловинский, В.П. Большаков, Е.В. Золотухина-Аболина и др.) и свидетельств современников начала XIX в. придворный праздник в диссертации рассматривается в качестве «лакуны повседневности», обладающей выраженной противоречивой сущностью. С одной стороны, он сохраняет свойственные ему возвышенные, своеобразные, внеповседневные черты, с другой, в конкретных культурно-исторических условиях воспринимается как явление привычное и ожидаемое: своего рода звено в цепочке каждодневных событий. В процессе своей подготовки и реализации праздник не лишен повседневных забот. Его воплощение требовало соблюдения рутинных правил и обычаев, сложившихся с учетом специфики жизни императорского двора и условий бытования дворцовых зданий.

Реализация праздника включала в себя три основных этапа, которые можно типологизировать следующим образом: 1. «Художественно-хозяйственный», во время которого на основании созданных живописцами и архитекторами проектов проводили работы по декоративному оформлению помещений, выбирали музыкальное сопровождение; убирали залы, устанавливали буфеты и туалеты; организовывали противопожарную безопасность. 2. «Логистический», когда Придворная контора распространяла через начальников придворных ведомств билеты чиновникам и, в то же время, городская полиция разрабатывала схему проезда гостей по городским улицам к дворцу; предусматривала размещение многочисленных экипажей и т.д. 3. «Торжество», где доминировал придворный этикет и другие, официальные и

неофициальные правила и установки, принятые у участников балов и маскарадов. Завершающим элементом в структуре повседневности придворных торжеств была процедура награждения лиц, принимавших участие в подготовке праздника, а также последующий демонтаж нарядного декора, уборка и ремонт помещений. Таким образом, каждый этап подготовки праздника – это хорошо спланированная и опробованная придворными ведомствами процедура, направленная на удовлетворение эстетических, психологических и культурных потребностей участников торжества.

В Заключении подводятся основные итоги и намечаются темы дальнейших исследований.

Список публикаций по теме диссертационного исследования:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Гутенберг Р.О. К истории разорения императорских дворцов Петербурга: Михайловский замок // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2. – С. 95-98.
2. Гутенберг Р.О. Повседневные аспекты праздничной культуры Таврического дворца в царствование Александра I // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 1. – С. 62-65.
3. Гутенберг Р.О. Культовые практики в пространстве повседневности императорских дворцов Петербурга в первой четверти XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 3. – С. 53-56.
4. Гутенберг Р.О. Михайловский замок в культурной жизни Петербурга-Петрограда // Общество. Среда. Развитие. – 2018. – № 2. – С. 56-62.

Публикации в других научных изданиях:

5. Гутенберг Р.О. К истории бытования Михайловского замка в первой четверти XIX века // Страницы истории отечественного искусства. Сборник по материалам научной конференции (Русский музей. Санкт-Петербург, 2012). – СПб.: Palace Editions, 2012. – С. 187-195.

6. Гутенберг Р.О. К истории изучения секты Е.Ф. Татариновой в Михайловском замке // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. Материалы научной конференции. (ГМЗ «Гатчина». Гатчина, 22-23 ноября 2012). – СПб.: ООО «Союз-Дизайн», 2012. – С. 57-66.
7. Гутенберг Р.О. Балетмейстер Шарль-Луи Дидло в Михайловском замке // Жизнь дворца: публичное и приватное. Сборник по материалам научно-практической конференции (ГМЗ «Петергоф». Петергоф, 2013). – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2014. – С. 23-30.
8. Гутенберг Р.О. «В то время Михайловский замок был почти необитаем» // Очерки истории Михайловского (Инженерного) замка. Русский музей. Вып. 25. Сборник статей. – СПб.: Palace Editions, 2014. – С. 65-100.
9. Гутенберг Р.О. «Хлыстовский корабль», или обитель покаяния // Очерки истории Михайловского (Инженерного) замка. Русский музей. Вып. 25. Сборник статей. – СПб.: Palace Editions, 2014. – С. 101-124.
10. Гутенберг Р.О. «Байрон балета» в Михайловском замке // Очерки истории Михайловского (Инженерного) замка. Русский музей. Вып. 25. Сборник статей. – СПб.: Palace Editions, 2014. – С. 125-138.
11. Гутенберг Р.О. «Великокняжеские торги» в Михайловском (Инженерном) замке в 1820-е годы // Страницы истории отечественного искусства. Сборник по материалам научной конференции (Русский музей. Санкт-Петербург, 2016). – СПб.: ООО «ЛД-ПРИНТ», 2017. – С. 50-57.